

поэзия Удмуртии

163

*Вячеслав
Ар-Серги*

Народный писатель Удмуртской Республики. Поэт, прозаик и переводчик, драматург и киносценарист. Родился (1962) в д. Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртии. По основному образованию – филолог. В 1989-м принят в Союз писателей СССР. Ныне Вячеслав Ар-Серги – автор более 40 книг поэзии и прозы, опубликованных в России и за её пределами. Ар-Серги – заслуженный работник культуры Удмуртии, лауреат Всероссийской литературной премии имени Антона Дельвига (Москва, 2014), Международной литературной премии «Югра» (Ханты-Мансийск, 2015), литературной премии Правительства Удмуртской Республики (Ижевск, 2016). Языки литературного творчества – удмуртский и русский. Живёт и работает в Ижевске

Родина

Притулилась деревня моя
К неохватному шару земному.
Одиноко бежит колея
Параллельно тракту большому.

Побреду под чирик воробья
Своей памятью доброй ведомый.
Вот чернеет во льду полынья,
К ней стремится тропинка от дома.

В полынье той воды зачерпну,
В самоварчике чай сноровлю.
Самокрутку тугую сверну –
Всё здесь мило мне, всё я люблю.

В полынье той воды зачерпну

Полночный Кылбур¹

Остэ! Кылбур мой, кылбур,
Золотой мой удмуртский кылбур...
Полон музыки камской,
Вышины ты уральской!

Сколько слёз пролилось
В твои реки широки,
Сколько горя ушло
В твои краткие строки...

Мы с тобой ослепительным днём
Добрым делом, на благо живём –
Заслоняем друзей от беды мы собой
И врагам продохнуть не даём...

...Вечерами же тени удмуртских поэтов,
Ушедших по рекам, великих поэтов –
Все сидят вот за этим столом,
За моим очень скромным столом...

Смотрим с ними мы в ночь,
Видим в звёздные бреши сонмы богов,
Об ушедшем печали нам не перевозмочь –
Уповаем в молитвенность слов.

Ах! Наш стих ты – кылбур,
Золотой наш удмуртский кылбур,
Ты храни нас в кромешную ночь,
Откровение свыше – полночный Кылбур!

Мои удмуртские апрели...

Мы странны для себя, кому-то непонятны...
Лесной народ, пришедший из степей,
Но наши песни всем заняты –
На их мотив бежит лесной ручей.

В апрельском паводке рождённый в мир,
Я реки разные и слушал и видал,
Чу! каждая река – как ручейковый пир,
Где каждый в гости сам себя зазвал.

¹ Кылбур (удм.) – стихотворение, стих.

Поют ручьи – на разных языках,
Но языком, уже чужим, гудит река...
Мне не принять её замах –
Немеют тут удмуртские века.

На берегу стою я не своём,
Как памятник, и не печалюсь об одном,
Что вот сольются в соловьиной трели
Моих грачей удмуртские апрели...

* * *

Не вышел статью и лицом...
И что теперь тужить о том?
Да разве же не Божьим промыслом
Пришли на Свет мы голышом?

Не стал богатым ловкачом...
И что теперь тужить о том?
Ты знаешь... с каждым человеком
Господь наш говорит о том о сём...

Что не ядрёны нынче зимы,
А летом – мокрый холодок...
С годами мы всё более ранимы,
И всё милее прошлого мирок.

Где было всё легко и верно,
И в счастье верилось само собой...
Где честность принималась, как и должно,
А подлость пряталась не за твоей спиной.

Мне кажется... теперь я понимаю,
О чём отец не спал во тьме ночной...
И чёрным чаем грусть я заливаю –
Рассвет мой озарён келейною свечой.

* * *

В сизой утренней дымке мой город
Воскресеньем февральским лежит,
Но уже понедельник, как враг,
В ожиданьи своём монументом стоит.

Тут озябшее Солнце на крышу взошло,
Пенсионно уселось на край,
Мимо взглядов его ничего не прошло:
И на каждое «здравствуй» нашёлся «прощай»...

Моя мечта

Не босиком мечта моя ходила
Удмуртскою дорогой не прямой,
Из простенького жбанчика не пила
Удмурточки хмельной настой.

И на плотах она не плыла
За льдиной грозною весной,
И с копкою картошки не спешила
Под дождь осенний ледяной.

И также не копила капитала
На звень копеечных счетов,
Она со вздохом не смотрела
На фото южных островов.

Зато она всегда летала
Меж белых-белых облаков,
Меня с небес не замечала
Средь восхищённых чудачков.

Но слышу я свою мечту
В журчаньях наших родников,
К своей Реке я с ней иду –
Уютна ночь от светлячков...

Ветер покаянный

Во дворе пустом
Ветру скукота...
Сидит он под окном,
Как будто сирота.

А если б вышла ты,
Он бы с поклоном встал,
Пригладил бы цветы,
Но лезть к тебе не стал.

Он бы стоял в тенике,
Застенчиво вздыхал,
И бурей в городке
Тебя бы не пугал...

Он присмирел с утра,
Как будто страсть прошла...
Из-за него вчера
Так быстро ты ушла...

Летяга

Летяга слетела на ветку...
И белке совсем невдомёк:
Она не похожа на птичку –
Восторженной плоти пушок.

Но всё же летяга – летала!
Как планер с раскрытым крылом,
Нередко нас с неба видала
Смеющихся вместе с дождём.

И дальше летяга летала
У берега, над соснячком...
Но нас уже не повстречала
Стоящих под вишней-дичком.

Не слышала, как мы смеялись
Над снегом, бураном, пургой,
Не видела, как мы обнялись
Прощаясь пред новой весной...

Октябрь

Кисти рябин прихватило
Колким морозцем ночным.
Грустью в груди защемило...
Дымком потянуло печным.

А в прошлом мы чинно уселись
За щедрым семейным столом –
Как будто бы птицы слетелись
Над домовитым гумном.

Вот в центре стола – перепечи
И шанежки горкой лежат,
Душевной беседы предтечи –
Пузатые рюмки стоят.

А вот и удмуртской гармошки
В окошко стучит перебор,
Хозяйской дочурки сапожки
Несутся скорей на угор.

Вот там плясунам-то – раздолье –
Осенние свадьбы звенят!..
Я помню фартовое счастье –
Девчонок глаза маяками горят...

...Но застыли рябинами в поле
Октябри мои в снежных дождях:
Лишь один всё гуляет на воле –
С ним дружили мы в юных летах.

Другу

От города в сторону Камы –
Родная деревня моя,
Памятью доброй ведомы
Вернёмся туда – ты и я.

А помнишь рассказы мои
О нашей деревне в логах...
Ведь знаю неверья твои
О бывших у нас чудесах.

И скромно скажу, как всегда:
Наш народ далеко знаменит,
У него – непроста простота,
По-удмуртски с Судьбой говорит.

Он умеет работать на славу,
Он умеет сплясать с огоньком,
От зерна отмеряет половину,
Не обносит друзей первачком.

...А деревья столбами стояли,
И цепями гремел чей-то пёс...
Слишком юными мы уезжали –
Хоть и ангел нас бережно нёс.

Лунный бал

Ты видела – падают звёзды
К вашим ногам – как тогда...
Деревья присели на отдых
На лунное небо пруда.

Чуть слышно родник прошептал
О том, что забылось в годах...
Как нежно тебя обнимал
Под листопады в лесах.

Для вальса среди планет
Светился Луны торшер,
И нет уже слова «нет»
На шёпот-призыв, mon cher¹.

...Прошёл лунный бал,
Таксист на руле придремал:
Он в грёзах на бал приезжал,
Тебя танцевать приглашал...

¹ Mon cher (франц.) – мой милый.

Зимнее...

По С. А. Есенину

В руки взял, как поэта награду,
Я замёрзший кленовый листок...
И не скрыться теперь за ограду –
Одиночества вышел весь срок.

Мне подпой, воробей, по зиме!
Моргни прорубью глаз, стынь река...
Загрустят матерински по мне
Камы милой в лесах берега.

И ворона в логу подпоёт,
А за нею синиц, снегирей хоровод...
И под валенком скрип! ветерок разнесёт –
Песню Родины нашей метель обметёт...

Но не холоден ей высоченный сугроб,
Под сугробом – наш дом!
Где по нотам кленовых листов мы поём –
И вдвоём, и втроём... вчетвером.

Март

Ангел летал над парком больничным
И падал пушистою ватою снег...
Люди прижались к оконцам невзрачным,
Не видели ангела, знали – он здесь.

И ангел шалил как ребёнок,
В берёзок жердинки стучал,
Он вьюгою снег выдувал, как слонёнок,
И свечкою в небо взмывал.

За окнами люди ему улыбались,
Друг к другу поближе они становились –
От этого стало им сразу теплей,
А жизни дороги свои и – светлей.

Тут ангел присел, завозился с застёжкой
На сандалете своём золотом,
Спешил он заветною стёжкой
К своей ангелице, любовью несом.

И вскоре вспорхнул из больничного парка,
Позёмкою беглой следы заметал...
В горле комок от такого подарка ...
Наш снеговик на воротах стоял.

Отцовский флаг

Его отец грустил о Тихом океане,
Где восемь лет он молодым служил...
Как старшина второй статьи и ныне
Об увольнительной от дома он тужил...

На корабле своём хотел ещё раз побывать,
На Русском острове свой флаг поднять,
С матросами за флот «ура!» кричать,
На камбузе у кока погулять.

А в ночь – на вахте со старпомом,
На Южный Крест смотреть...
Стоять, как пограничник, за штурвалом,
Сквозь шторм себя на родине узреть...

...Не дали увольнительной отцу
От дома и гармонии, жены с детьми.
На шлюпочке утлой ушёл он ко дну...
Вымпелом грусти взлетел над людьми.

Материнская песня

Одета бедно да опрятно,
Иной раз входит она в сны мои –
В платочке беленьком, повязанном уютно,
Вполголоса поёт мне песенки свои.

Родник удмуртской песни льётся,
Найдя дорожку и до Камы вод.
И в грусть душа наскоро окунётся,
А вынырнет, как паводок уйдёт.

Её шаги на тысячах дорог,
Хотя и дальше-то Казани не была.
Земная ось – родной порог,
Отсюда она песни родила.

А были эти песни об одном –
О грусти светлой уходящих лет,
Их пели мы когда-то и вдвоём,
Но нынче их поющих уже нет.

А на её погосте – удмуртские берёзы
Чуть слышно «ля-минор» дают,
На нотах же – несбывшиеся грёзы
О песнях, что на праздниках поют.

Детская считалочка почемучки

– Мама, милая анай,
Почему мы так бедны?
И даже конфет не бывает
У нас на столе?

Мама, милая анай,
Почему все богачи
Говорят только по-своему
И не любят наш язык?

Мама, милая анай,
Почему из нашего села
Уже семеро мужчин
Повесились на соснах?

Мама, милая анай,
Почему в городах
Унижают наших родичей,
Упрекая их за язык наших предков,
Упрекая за наше отличие в обличье?

Мама, милая анай,
Почему отец, наш атай,
Когда пьёт аракы –
Горько поёт наши песни
И плачет о чём-то?

Мама, милая анай,
А для чего же тогда
Мы на свет родились?

– ...Потому что мы –
удмурты. Мы пришли
сюда из далёкой Звезды
и мало мыслим в здешних
законах... Мы умеем
только работать на своих маленьких
кусочках земли и любить их,
но не умеем торговать.
Ты не кручинься, дитя,
Мы все опять – скоро улетим...
– На нашу Звезду?
– Нет, подальше... Ой,
Не стой над душой,
Сбегай лучше за водой.

Шестаков Фёдор Дмитриевич

Он без вести пропал под Москвой
В самом тяжком году – сорок первом...
На слова была бабка скупой:
Говорила – он не был героем.

Дед попал под бомбёжку
По дороге своей на войну,
Не держал он ещё и винтовку,
Жизнь свою потерял на кону.

Ну и что – что он не был героем?
С гимнастёркой рассталась душа...
Для меня же он был просто Дедом,
Не будил хоть меня, бородой тормоша.

Не ловили мы с ним пескарей
И удмуртские песни не пели –
И не видно уже на реке рыбарей,
Плясуны и певцы онемели.

Плач

И вновь татарская печаль
Забыть о прошлом не даёт...
Осенним листиком уносит в даль –
Там предок плачи мне поёт.

В роду моём – Шудья,
Он и поныне – знаменит.
Дымит в лесу его нодья,
А сам он был в бою убит.

Он в коннице удмуртской воевал,
Казан-калу оборонял...
Татарскую шурпу хлебал
И жёнушку из Арска вспоминал.

...Стрелецкой пулею убит,
Он дух свой отдал Небесам,
Его душа и ныне всё летит
К прекрасным Божеским лугам.

На тех лугах и осень не бывает –
Она казанскою осталась нам,
Там вечно утро расцветает,
И места много нашим именам...

